

ня-другая городских автобусов, такси не хватает, хотя они по карману далеко не всякому, по главным улицам ходят маленькие семиместные автобусы — «опелеты». Но основным видом «общественного транспорта» остается пока все тот же неутомимый бечак, что целый день крутит педали своими жилистыми, с разбухшими венами ногами. И в жгучий зной, и в тропический ливень катит бечак свою коляску, нередко налетает на автомобили, ругается с шоферами, торгуется с седоками, заискивает перед полицейским...

По воскресеньям городские улицы и прилежащие к городу шоссе заполняют сотни автомобилей, автобусов, юрких опелетов. На юг, к горной прохладе Пунчака, Чибулана и Чипанаса устремляются

ПОДВИГ ПАТТИМУРА

В мае этого года исполнилась 145-я годовщина героического подвига национального героя Индонезии Паттимура.

1817 год... То было тяжелое время в жизни народа. Уже более двух веков на индонезийской земле хозяйничали, сменяя друг друга, иностранные завоеватели — португальцы, испанцы, голландцы, французы, англичане.

После крушения Наполеона Молуккский архипелаг, как и другие индонезийские острова, перешли под колониальный контроль Великобритании, а решениями Венского конгресса 1815 года Индонезия была вновь возвращена ее прежним колониальным хозяевам — голландцам. Восстановление власти нидерландских колонизаторов, уже известных индонезийцам своим вероломством и жестокостью, переполнило чашу народного терпения. 15 мая 1817 года отряд крестьян, возглавляемый Томасом Матулесси, поднял вооруженное восстание и захватил в свои руки голландскую крепость Дорстед на острове Сапаруа (Молуккский архипелаг). Весть об успешном восстании мигом донеслась до соседних островов, и зная свободу было поднято индонезийскими патриотами также и на островах Харуку, Серам и Тидор. Это было первое в истории народное восстание против колонизаторов в наиболее отсталой, восточной части Индонезии.

Вооруженные лишь холодным оружием — самодельными палашами и бамбуковыми пиками, — отряды Матулесси, ставшего известным в народе как капитан Паттимура, сломили сопротивление голландского гарнизона.

Голландцам все же удалось задушить восстание и расправиться с его руководителями во главе с Паттимуром, однако пламя освободительной борьбы, зажженное подвигом Паттимура, продолжало пылать в сердцах миллионов его соотечественников. В огне этой великой борьбы родилась независимая Индонезийская республика.

Героический пример Паттимура воодушевляет и ныне индонезийских патриотов в их борьбе за освобождение Западного Ириана от колониального господства империалистов.

роскошные «шевроле» и «кадиллаки». Автобусы и опелеты идут на север, на тесноватый пляж Чилинчинг, туда, где соленые волны подмывают корни склонившихся к морю лохматых пальм. Большинство же джакартцев остается в воскресенье дома. Сидят на крылечках домов, смеются, болтают, жуют бетель или щелкают соленые орешки.

Часто приходится слышать: «Джакарта — это не Индонезия. Ни храмов, ни танцев, никакой экзотики». Да, в Джакарте нет ничего подобного ни Боробудуру, ни Прамбанану — этим величественным памятникам прошлого Индонезии, не увидишь здесь полуобнаженных балийских красавиц, несущих на голове чаши с лепестками цветов. Но самому Востоку экзотика порой обходится дешевле. Достаточно побывать на острове Бали, единогласно признаваемом всеми живым музеем прошлого, чтобы увидеть, как именно «экзотическая старина», стремление привлечь на этот остров туристов, сохранив в нетронутом виде древние обычаи и старинный уклад жизни, ставит преграды на пути социального развития. Вспомнишь поневоле заведующего музеем из «Золотого теленка», сердито отвергающего сетования Бендера и Корейко на «утрату экзотики» восточного города: «Это для вас красиво, для приезжих, а нам тут жить приходится».

Подлинную красоту Востока в наше время ощущаешь полнее, когда видишь леса строящихся зданий, первый дым фабричных труб, радостный труд людей, работающих ныне для себя, для своего народа, а не ради выгоды амстердамской биржи, лондонских банков и нью-йоркских компаний.

Новая Джакарта — город труда и тружеников. День и ночь идут работы в джакартском порту Тан-джунгприок, шумят машины на фабриках. Пусть многие из этих фабрик еще невелики и их продукция пока не удовлетворяет потребности все развивающейся экономики Индонезии, но это свои собственные, индонезийские предприятия, и количество их будет увеличиваться, будет расти их мощь.

Индонезийцы твердо верят в свои силы и помнят о том, что у их страны есть хорошие друзья, которые доказали и еще не раз докажут свою дружбу на деле. Они знают, что поддержка верных друзей поможет им освободить неотъемлемую часть республики — Западный Ириан.

Джакарта хорошо помнит 18 февраля 1960 года. В тот день сюда с визитом дружбы прибыл «бунд Никита» — дорогой и желанный гость из великой северной страны, близкой сердцу индонезийского народа.

...Затихает оживленный уличный шум, все реже проезжают автомобили, закрываются деревянными ставнями окна магазинов, останавливается передохнуть усталый бечак. Но жизнь в городе не прекращается — ярко освещены подъезды кинотеатров, загораются чадящие керосиновые лампы вечерних базаров и масляные копилки лоточников. Из популярного ресторанчика «папаши Али» на улице Блора распространяется аппетитный запах жареной баранины. Тренькают гитары уличных музыкантов, «рабочий день» которых начинается с наступлением темноты.

А позже стихает все. Зажигаются яркие тропические звезды, при свете которых не заблудишься даже в безлунную ночь. В наступившем безмолвии только изредка шуршат листья пальм, потревоженные набревшим ветерком, и время от времени раздается скрипучий хриплый голос ящерицы-токе: «Ток-кэ! Ток-кэ!»

Город спит. Трудовой народ набирает новые силы, чтобы бороться за светлое завтра.